

ТАЙНОЗНАТИЦЫ
МУИРВУДА

Клятва Муирвуда
Книга вторая

ДЖЕФФ УИЛЕР

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 44

УЗ6

Перевод с английского — Ирина Ющенко

The Ciphens of Muirwood

The Covenant of Muirwood. Book Two

Jeff Wheeler

Первая публикация: 47North, 2015

Уилер Д.

УЗ6 Тайнознатицы Муирвуда. (Клятва Муирвуда. Книга вторая) / Джефф Уилер [Пер. с англ. И. Ющенко]. — М.: Карьера Пресс, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-00074-276-1

Принцесса Майя, изгнанная своим отцом-королем, после героических скитаний оказывается в аббатстве Муирвуд, средоточии магии и добра этого мира. Впервые за время изгнания Майя чувствует себя в безопасности. Майя должна войти в круг девушек-тайнознатиц, которых тайно обучают искусству чтения и магической гравировки, несмотря на королевский закон, запрещающий женщинам приобщаться к магии.

Майя пытается понять, кому можно доверять из тех, кто ее окружает, и постигает свое предназначение – открыть Сокровенную завесу, чтобы спасти друзей, аббатство и Муирвуд.

Джефф Уилер – один из крупнейших современных авторов в жанре эпического фэнтези.

ISBN 978-5-00074-276-1

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 44

Text Copyright © 2015 Jeff Wheeler

© 2020, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

All right reserved

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Джине

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Казнь	1
Глава вторая. Сигил тайны	12
Глава третья. Сюзенна	30
Глава четвертая. Сад королевы	43
Глава пятая. На кухне у альдермастона	55
Глава шестая. Селия Прачка	67
Глава седьмая. Форши	81
Глава восьмая. Одна	93
Глава девятая. Вина	106
Глава десятая. Встреча	116
Глава одиннадцатая. Виселицы	130
Глава двенадцатая. Угроза кишона	143
Глава тринадцатая. Зимнепутье	155
Глава четырнадцатая. Канцлер Крабвелл	167
Глава пятнадцатая. Союз	179
Глава шестнадцатая. Совет	190
Глава семнадцатая. Королевский капитан	204
Глава восемнадцатая. Признания	216
Глава девятнадцатая. «Хольк»	229

Глава двадцатая. Саймон Лис	240
Глава двадцать первая. Запрет	252
Глава двадцать вторая. Принцесса Комороса	265
Глава двадцать третья. Отступник	279
Глава двадцать четвертая. Кранмир	292
Глава двадцать пятая. Яблоки	309
Глава двадцать шестая. Королевская воля	326
Глава двадцать седьмая. Туман Бесчисленных	338
Глава двадцать восьмая. Кишон	350
Глава двадцать девятая. Верные	362
Глава тридцатая. Клятва исполнена	375
Глава тридцать первая. Битва в Муирвуде	387
Глава тридцать вторая. Непреложный обет	399
Глава тридцать третья. Духов день	413
Глава тридцать четвертая. Ассиника	425
Глава тридцать пятая. Башня Пент	437
Глава тридцать шестая. Падение Деорвин	448
Эпилог	458
От автора	459
Благодарности	461
Об авторе	462

Не родился еще человек, который, будучи во гневе, признавал бы, что гнев его несправедлив.

Ричард Сейон, альдермастон аббатства Муирвуд

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Казнь

Ни возраст, ни башня Пент не могли согнуть Сэнфорда Прайса, и на шестидесятом году жизни он оставался все так же крепок и могуч. Высокий, поджарый, он без усталости шагал по камере, бормоча что-то себе под нос — привычка, немало раздражавшая его сыновей, деливших с отцом темницу. Сэнфорд Прайс был графом Форши и членом Тайного совета, однако открытое выступление против короля Комороса, которого Форши обвинил в дурном управлении страной, стоило старому графу всех его титулов и земель. Но и этого королю было мало: лишив графа всего, чем он владел по праву рождения, король повелел арестовать его и бросить в темницу.

Сэнфорд Прайс не жалел о сказанном. В его словах не было лжи.

Жалел он о другом: о том, что недооценил королевскую мстительность, не осознал, насколько король отошел от

принесенных некогда мастонских обетов. И еще — о том, что за дерзкие слова поплатился не только он сам, но и его сыновья. Семейство Прайс принадлежало к числу древнейших, силой, знатностью и богатством превосходило многих и многих. Даже лишившись графского титула, Сэнфорд знал, что подданные его Сотни хранят ему верность — ему, человеку, а не титулу. Пусть другой похваляется графским титулом, но если Сэнфорд Прайс вырвется из башни Пент и поедет на север, королевство узнает, что такое истинная преданность.

Темница, в которую бросили графа и его сыновей, некогда была обустроена для содержания благородных господ. По традиции, высокородные узники и в заточении наслаждались изысканными яствами, одевались отнюдь не в обноски, а порой даже выезжали на охоту с соколами или гончими. Однако при короле Бранноне традиции пришел конец. Комнаты знатных узников превратились в узилища, по сравнению с которыми самые мрачные подземные пещеры казались оплотом милосердия. Из окон башни видны были парки и река, и гам шумного рынка за стеной достигал слуха досужего наблюдателя. Видеть течение жизни, не имея возможности стать его частью, — это ли не пытка? В некогда прекрасной башне Пент с окон убрали даже занавески, на случай, если узникам придет в голову сплести из них веревки и бежать. Башня вздымалась высоко, поросший травой двор маячил где-то далеко внизу, и попытка бежать через окно была обречена на провал.

Вспыльчивость и крутой нрав Сэнфорда давно стали притчей во языцех; унаследовал он эти черты от одного из своих предков, звавшегося Колвином Прайсом. Семейство

Прайс исстари чтило долг и обычай, и наследием этим граф гордился по праву. Осознание того, что король Браннон одну за другой отбрасывал мастонские клятвы и обычаи, наполняло душу Сэнфорда гневом и лишало его покоя. Он решил, что кто-то должен высказать королю все как есть, и сам назначил себя на эту роль, полагая, что прочие охотно последуют его примеру.

Переметнувшись к какой-то потаскушке и разорвав осенний нерушимым обетом брак с законной супругой, король покрывал себя неизбывным позором. До поры до времени Сэнфорд молча скрежетал зубами. Он знал: поругание святынь несет с собой беду для всей страны.

И беда пришла.

Сэнфорд мрачно сравнивал эти дни с испытаниями, выпавшими на долю его предка. Колвин тоже жил под властью жестокого короля. Севрин Демонт, единственный из всех, кто осмелился выступить против короля, был убит в бою. Его сын, Гэрен Демонт, возглавил восстание вместо отца и разбил узурпатора в битве при Зимнепутье.

У окна Сэнфорд остановился и задумался, пропуская сквозь пальцы отросшую седую бороду. Бывают ли времена, когда мятеж — единственное, что остается человеку чести? Колвин наверняка задавался тем же вопросом. Узнав, что по всей стране тайно убивали мастонов, он присоединился к восстанию Гэрена Демонта. Король и его жена-хэтара возжелали уничтожить мастонский орден, но действовали скрытно. Перейти на сторону повстанцев означало бы рискнуть собственной жизнью и будущим сестры, но Колвин не колебался ни минуты.

Неужели Коморос вернулся в те времена? Под рукой не-

доброе короля стране придется плохо. Если бы Сэнфорд сумел сбежать из башни Пент или если бы, по воле Истока, был освобожден, — должен был бы он поднять гражданскую войну? Война — это всегда смерть, болезни, страдания. Он и сам утратил все — титул, состояние, высокое положение, — однако не стремление вернуть утраченное звало его в бой. Он жаждал сразиться за справедливость. За правосудие. За торжество закона.

Жгучая ярость снедала его. Четверо его сыновей были заключены в той же башне. Двоих из них — Тобиаса и Менниона — разлучили с женами. Новорожденное дитя Тобиаса никогда не видело лица своего отца. Говорили, что женщин держат где-то в глуши, на задворках Сотни, и они в немилоستي у нового графа. Стражник, который сочувствовал пленным, порой приносил новые вести, и узники, по крайней мере, знали, что их Семейство не голодает. Крестьяне Сотни Форши регулярно доставляли изгнанницам сыр, баранину и говядину. Сэнфорда знали как господина сурового, но милосердного; если и случалось ему ошибаться, то разве только в том, что давал он больше, чем следовало.

— Вы сердитесь, отец, — произнес Тобиас, его старший. Встав у окна, он положил руку отцу на плечо.

— Я думал о наших женщинах, — ответил старый граф. — Они пострадали за мои слова. Это несправедливо.

— Вспомните, как король обошелся с собственной дочерью, — сказал Тобиас. — Стоит ли после этого удивляться его обращению с нами.

— С дочерью он обошелся самым бессовестным образом — хорошо же он вознаграждает за верную службу. Вскоре у него не останется верных людей, одни лизоблюды, —

произнес Меннион из-за стола, представлявшего собой брошенную на козлы доску, где он доедал остатки завтрака. Парень отличался завидным аппетитом.

— Все, кто верно ему служил, были отосланы прочь и опозорены, — произнес Тобиас. — Посмотрите хотя бы на Тайный совет. Ни одного старого советника не осталось.

— Мортон тоже был в совете, — сказал Сэнфорд. — А теперь он сидит в башне Пент, как мы.

— Что-то там поддельвает Додд? — задумчиво сказал Элдер — он сидел за столом и листал какую-то книгу.

При мысли о младшем сыне, Додде, Сэнфорд ощутил гордость, смешанную с болью. Опустив голову, он шумно вздохнул.

— Додд такой же пленник, как и мы.

— А я бы с ним охотно поменялся, — сказал Меннион, постукивая ложкой по столу. — Какие в Муирвуде пекут плюшки и печенья, эх!

— Да ведь это только на Духов день, — поправил брата Элдер и играючи взял его шею в захват, но тут же отпустил. — Духов день... Интересно, в следующий Духов день нас уже выпустят? Прошлый мы просидели тут, и печальное же это было время!

— Соскучился по танцам у майского дерева, да? — усмехнулся Гейтс, четвертый сын Сэнфорда. Он сидел, привалившись к стене и разглядывая отца и братьев, и молчал, но желание подразнить брата взяло верх.

— А ты не соскучился? — спросил Элдер.

— Еще чего! Терпеть не могу танцы!

— Где же ты тогда будешь искать жену? — поддел брата Меннион.

— Дураки вы, — сказал Гейтс. — Жениться я всегда успею, но сначала хочу повоевать. Мне бы хоть пару войн пройти. Клянусь небом, рано или поздно Дагомея вторгнется на наши земли, и нас освободят, и дадут нам оружие. А когда придет пора жениться, пусть батюшка с матушкой сами выберут мне невесту. Мне сойдет кто угодно, хоть бы даже и безродная. Вот если бы она еще готовить умела, как наша прапрабабка Лийя... Эй, Меннон, не ешь весь пирог, оставь на потом. У тебя живот заболит от обжорства.

Братья дружно рассмеялись, и веселый этот смех унял гнев, бушевавший в сердце Сэнфорда. Бывало ведь и хуже, и братские перепалки порой становились не такими уж братскими. Заприте пятерых мужчин в тесной камере, и кто-нибудь нет-нет да и взбесится. Ох, не зря Сэнфорд всю жизнь не любил тесноту.

— Так, думаешь, с Доддом все хорошо? — спросил совсем рядом Тобиас, понизив голос. — О нем в последнее время ничего не слышно. Я за него беспокоюсь.

Сэнфорд сложил руки на груди и привалился к стене у окна. Додд был умен и верен Семейству. Он проходил обучение в Муирвуде, и, когда его отца и братьев бросили в темницу, за Доддом был выслан отряд с приказом привезти и его тоже, однако нарочных ждал неприятный сюрприз. Будучи щедро одаренным Истоком, Додд прошел мастонские испытания на год раньше сверстников и, когда за ним пришли, на правах мастона потребовал убежища в Муирвуде. Отряд вернулся несолоно хлебавши. Король был в ярости. За голову Додда была объявлена награда — на случай, если его поймают за пределами аббатства. Сэнфорд очень надеялся, что мальчишка останется в Муирвуде, и до сей поры

младший его сын был покорен отцовской воле. Но Додд жаждал вернуться в Форши, к матери и остальному Семейству, и Сэнфорд это знал, однако все попытки добратся до аббатства Биллербек были бы сопряжены с невероятным риском.

— Он еще очень юн. Ему многое предстоит узнать, — произнес Сэнфорд, растирая ладони. — Остается только надеяться, что он не натворит глупостей. Если будет слушать альдермастона и его жену, все будет хорошо. Будь он так же несдержан, как Меннион, я тревожился бы больше.

Сэнфорд улыбнулся.

Тобиас ответил ему улыбкой.

— Я по нему соскучился. А вы знаете, почему он решил учиться не в Биллербеке, а в Муирвуде?

— Он лучше вас всех слышит Исток, — ответил Сэнфорд. — Иногда он живет как во сне. В аббатстве Биллербек обучаются сыновья нашей Сотни, в свое время там учились и вы, однако Додд решил, что ему больше подходит Муирвуд. Я решил, что у меня нет причин для отказа.

К ним неторопливо подошел Гейтс. Гейтс не любил оставаться в стороне. Он встал у окна и прижал ладони к стеклу.

— Какой сегодня день? — спросил Гейтс, глядя наружу. — Кто-нибудь помнит?

— Двенадцатая Ночь, — с набитым ртом ответил Меннион. — Я слышал, стражники говорили пару дней назад. Будет зимний праздник. Только нам-то что с того, с нами все равно не поделятся.

— А по-моему, там ставят майское дерево.

— Что? — удивился Элдер.

Гейтс потянул задвижку и распахнул окно. Воздух был

холоден и резал как ножом. Дело шло к полудню, но ленивое зимнее солнце едва-едва поднималось над стеной. В открытое окно хлынул шум со двора. Внизу собирались люди. Сэнфорд заметил, что ворота открыты. Прямо под окном были сооружены подмости — их Гейтс и принял за основу для майского дерева.

— Что там происходит? — спросил Тобиас, глядя вниз.

— Не знаю, — ответил Сэнфорд.

— А мне не видно, — обиделся Меннион, который наконец встал из-за стола и, расталкивая братьев, стал пробираться к окну. — Дайте посмотреть.

— А ну, тихо! — рявкнул Сэнфорд. Сыновья умолкли.

Двор под окном медленно заполнялся людьми. Шли все, не разбирая сословий. Люди сбивались в кучки, переговаривались, спорили, поглядывая на узкий помост, способный вместить не больше дюжины человек.

Заиграли трубы, и толпа умолкла. Послышался скрип тележных колес, и люди хлынули в стороны, пропуская к помосту повозку.

— Кто это? — спросил Гейтс.

— Мне не видно, — простонал Меннион.

Повозка была невелика, не повозка даже — тележка, на какой возят на продажу зелень и овощи. На тележке стоял человек в выцветшем коричневом плаще и истрепанных штанах. Волосы его были в беспорядке, и все же Сэнфорд узнал этого человека.

— Это Томас Мортон, — в смятении произнес он.

— Королевский канцлер? — ахнул Элдер.

— Бывший. Мортон сам оставил этот пост. Нынче канцлером у короля Крабвелл. А вот и он, — указал старый

граф. — Черный плащ, золотая накидка — первый раз таким его вижу. Вон, видите?

— Вот подлец, — сказал Гейтс. — Дайте мне меч, я его...

— Тихо! — прошипел Сэнфорд.

Тележка ехала между живых стен, и только тут Сэнфорд заметил человека в черном капюшоне. Человек стоял у лестницы, что вела на помост. У Сэнфорда кровь застыла в жилах. Вокруг повозки встали стражники и помогли Мортону сойти на землю. Неверным шагом бывший канцлер подошел к помосту и ступил на первую ступеньку. Лестница под ним покачнулась.

— Он... его... — ахнул Тобиас.

Сэнфорд в тупом отчаянии смотрел вниз. Толпа умолкла, но тут тишину прорезал чей-то крик.

Какая-то женщина пробилась сквозь людскую стену и подбежала к Мортону. Голос ее был громок и сердит:

— Сир! Сир! Когда вы были канцлером, мой муж отдал вам важные бумаги! Верните их, сир! Где они?

Бывший канцлер посмотрел на нее.

— Потерпи немного, добрая женщина, — сказал он. — Через какой-нибудь час король избавит меня от забот о твоих бумагах. И от всех прочих забот тоже!

Он покачал головой и вновь попытался подняться по лесенке. Ступеньки ходили у него под ногами.

Сыновья Сэнфорда молча смотрели на происходящее, и в глазах их читался растущий ужас.

Мортон повернулся к солдату.

— Добрый человек, помоги мне подняться по этой лестнице, не свернув себе шеи. Что же до спуска, то и там, полагаю, без тебя не обойдется.

Солдат придержал лестницу, а его товарищи помогли Мортону вскарабкаться на помост. Несколько человек поднялись за ним следом. Оставшиеся солдаты передали им снизу деревянную колоду с иззубренным верхом.

— Клянусь Идумеей... — прошептал Сэнфорд.

Встав перед толпой, Томас Мортон заговорил.

— Меня привели сюда по королевской воле, дабы вершить правосудие, — твердым голосом громко объявил он. — Меня пытали и...

— Молчать! — закричал всадник в доспехах, сидевший на могучем боевом коне. — Я шериф этой Сотни. Ты будешь молчать, Мортон. Ты не подписал закон о верноподданничестве, ты отказался подписывать его при множестве свидетелей. Клади голову на плаху и получи то, что положено предателю. Если ты, конечно, мужчина!

Сэнфорд узнал капитана. Его звали Трефью. Он входил в число новых приближенных короля. Нессиец по происхождению, он славился жестоким и безжалостным нравом.

— Что ж, — дрогнувшим голосом сказал Мортон, — я буду молчать. Я покоряюсь воле короля. Да, я отказался подписать закон. Это правда. Но я мужчина. И я умираю мастоном в кольчужнице, верным слугой Истока и моего короля.

С этими словами Мортон медленно опустился на колени перед плахой.

Человек в капюшоне шагнул к бывшему канцлеру и оттянул ворот его куртки, обнажая плоть в серебряной кольчужнице. Сэнфорд не мог дышать.

«Нет, нет, нет!»

Мортон положил голову на плаху, однако затем поднял

ИЗГНАННИЦА МУИРВУДА

руку и остановил палача, которому солдаты уже поднесли топор.

— Погоди минуту. Позволь мне убрать бороду. Уж борода моя измены не чинила. Ну вот. Делай свое дело, мастер палач. Я тебя прощаю.

В исполненных ужаса глазах четырех графских сыновей отразился занесенный топор.

Толпа громко ахнула.

Когда казнь свершилась, Сэнфорд потянул за рукоятку, закрыл створки и заслонил собой душераздирающий вид из окна. Глаза сыновей казались огромными, лица были бледны как бумага. Меннион бросился к туалетному ведру и вывернул туда свой завтрак.

Только что на глазах у них при свете дня, под сенью мнимой законности был убит мастон. Даже во времена Колвина Прайса короли не отваживались на столь вопиющее преступление против невинного.

Сэнфорд повернулся к сыновьям.

— Надо искать пути к бегству, — тихо, но твердо произнес он. — Капитан Трефью очень внимательно смотрел на наше окно. Он хотел, чтобы мы всё это видели.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сигил тайны

Шлюпка скользила вперед, шустрой рыбкой разрезая поверхность воды. Воздух был полон незнакомых запахов и суетливой мошкары, блестящей и переливавшейся в прозрачных лучах вечернего солнца. Пристань была все ближе, и на лбу у Майи выступил пот, а сердце забилось еще быстрее. В устье реки темной громадой маячил «Хольк», пришвартованный к сырой болотистой пристани близ сложенного из каменных глыб здания.

Дрожа от предвкушения и нетерпения, Майя съежилась на шлюпочной банке. Сколько лет мечтала она прийти в аббатство Муирвуд и стать мастоном! В сердце ее робко просыпалась надежда, и Майя боялась вздохнуть, чтобы не спугнуть хрупкую гостью.

Джон Тейт без усталости работал веслами. Его пес Аргус устроился на дне рядом с Майей и положил морду ей на ко-

лени. Рядом, держа Майю за руку, сидела ее бабушка Сабина Демонт, Великая Провидица Прай-Ри, сидела и смотрела на аббатство с улыбкой, исполненной любопытства, словно видела что-то недоступное глазу внучки.

А Муирвуд был великолепен. Навстречу путникам поднимались неприступные серые стены в паутине лесов, и даже с реки слышен был стук молотков по зубилам и видны многочисленные лебедки, поднимающие в вышину все новые и новые камни. На стенах работали люди — десятки людей.

Майя сжала руку бабушки.

— Я думала, аббатство больше не будут восстанавливать, — сказала она, широко раскрыв изумленные глаза. — Я слышала, отец запретил...

Сабина ответила ей пожатием.

— Запретил. Но мы послушались воли Истока. Чувствуешь ли ты его здесь?

Майя несмело кивнула.

— Я почувствовала еще на борту «Холька», когда мы вошли в устье. Мне никогда не было так хорошо и спокойно. Как будто аббатство... как будто оно мне радо.

— Когда Лийя увела королеву Довагеру и своих людей из сторевшего Муирвуда, она наложила на эти земли защитные чары и запечатала их сигилом тайны. Бесчисленным и их слугам путь сюда заказан. Здесь ты будешь в безопасности, Майя. Ты подготовишься к мастонским испытаниям и исполнишь пророчество Лийи, откроешь Сокровенную завесу и восстановишь аббатство в былой силе и славе. Пусть наши мертвые освободятся от этого мира, а мастоны Ассирики обретут путь к бегству. Иного будущего у нас нет, —

она указала на леса. — Внутренние работы уже закончены. Внешние — заканчиваются. Леса — это лишь маскировка, призванная убедить недоброжелателей в том, что аббатство еще далеко от восстановления. Никогда не суди по внешнему виду!

— А я-то голову ломаю, что они там возятся, — проворчал Джон Тейт. — Как по мне, все на месте, чего там еще строить, спрашивается.

— Работы закончатся к Духову дню, — сказала Сабина. — Аббатство восстанавливали много лет и сумели сохранить его в том виде, в каком его знали наши предки. Я храню в себе образ, Майя.

Джон Тейт поднял одно весло над водой, а вторым начал подгребать, подгоняя шлюпку к пристани. Там их ждал человек с шестом и багром. Подведя лодку поближе, Джон Тейт взял свернутую в кольцо веревку и бросил ее человеку на пристани, закрепил другой конец и вышел на причал, туда, где встречающий вязал веревку на тумбу.

— Ты все не так делаешь, — сердито сказал Джон Тейт, отмахнувшись от его протестов. — Дай мне.

Майя улыбнулась. Джон Тейт полагал, что на свете есть два мнения: одно — его, другое — неправильное. Был он невысок и широк в талии, медные завитки волос обрамляли намечающуюся лысину, а жесткая заостренная борода неслла в себе воспоминания о прошлых обедах. Аргус прыгнул на пристань вслед за хозяином, и шлюпка покачнулась, а Джон Тейт повелительно свистнул псу.

— Добро пожаловать в Муирвуд, моя госпожа, — произнес ожидавший их человек, обращаясь к Сабине. — Едва

на реке показались мачты «Холька», я выслал вестника к альдермастону. Он желает видеть вас немедленно.

— Благодарю вас, — ответила Сабина. Майя собралась было вылезать самостоятельно, но тут Джон Тейт покончил с веревкой и протянул девушке крепкую руку. Майя была одета в выцветшее голубое платье — наряд безродной. Лица это платье не скрывало, и все же в нем девушка не привлекала ничьего внимания и могла надеяться на то, что сойдет в аббатстве за свою. Внутри у нее все сжималось от тревоги, но она поблагодарила Джона Тейта и стала ждать, пока он переправит на причал Сабину.

Для своего возраста бабушка отличалась удивительной легкостью движений. Длинные волосы ее были пронизаны седыми прядями, однако тут и там в них проступало медовое золото прежних дней, а мудрые глаза и ласковая улыбка заставляли забыть о морщинах и дряблой коже.

— Теперь это и твой новый дом, — сказала Сабина, поворачиваясь к охотнику. — Тебе выделили охотничий домик. Но сначала давайте-ка все вместе сходим повидать альдермастона.

Джон Тейт вздохнул.

— Я бы лучше прошелся по тутошним лесам да присмотрелся к болоту. Как вы его там назвали, Бирден Муир? Эх, Чишу, как же я соскучился по Прай-Ри! Хотя, как я погляжу, дубы тут растут, растут. Есть куда топорик покидать. Вроде ничего, крепкие.

Сабина взяла Майю за руку и повела ее от пристани и вверх по каменной лестнице, выходящей на холм. Джон Тейт топал следом, нагруженный багажом, точно вьючная лошадь. Аргус трусил за хозяином.

Они вышли на вершину холма, и взглядам их открылось аббатство во всем своем великолепии. Майя улыбнулась — столько людей! Сабина шла рядом, указывая то в одну, то в другую сторону.

— Здесь есть на что посмотреть, но первым делом я покажу тебе самое главное. Вон там, рядом со стеной, здание пониже — это клуатры. Там ученики занимаются чтением и гравированием. Днем там учат мальчиков, но ночью, когда закрываются ворота, жена альдермастона приводит в клуатры тайнозлатиц и занимается с ними.

— А мальчики об этом знают? Не может быть, чтобы никто ничего не видел!

— Под аббатством есть множество туннелей, Майя. По этим туннелям тайнозлатицы проникают в клуатры. Даже привратник не знает, чем живет аббатство после того, как будут заперты ворота. Туннели соединяют дом альдермастона с аббатством и кое с чем еще — один, например, выходит прямо в деревню за стеной. Все проходы защищены яр-камнями. Вон там — прачечная, там прачки стирают одежду. Здесь утиный пруд. А вот Сад сидра, я его очень люблю. Здесь растут знаменитые яблони Муирвуда. Ах, как здесь красиво весной!

Сердце Майи затрепетало от восторга. Сколько историй слышала она о своих предках Лийе и Колвине, сколько раз в историях этих упоминался Сад сидра, где брали свое начало их приключения! Как она мечтала попасть в этот сад!

— А яблоки там есть? — спросила Майя.

— Нынче не сезон, — покачала головой Сабина. — Подождем до весны. Вот кухня альдермастона. Видишь, вон там, островерхая крыша и купол? Там ты будешь есть.

В этой самой кухне много лет назад жила моя прапрабабушка. И когда бабушка приплыла на корабле, кухня еще стояла. И сад уцелел, хотя, конечно, изрядно одичал. Садовники трудились много лет, и наконец он был восстановлен. Рядом с кухней — дом альдермастона. Вон там живут ученики, но тебе туда не надо.

Майя непонимающе посмотрела на бабушку:

— Где же я буду жить?

— В доме альдермастона. Пусть твой отец от тебя отрекся, но ты по-прежнему королевская дочь. Я попросила альдермастона назначить одну из тайнознатиц тебе в товарки. Она будет жить с тобой.

Майя прикусила губу и кивнула. Ее разрывало на части, смутная тревога мешалась с нетерпеливым ожиданием. Мечта стала явью. Сколько лет мечтала она оказаться в Муирвуде и увидеть мать! При мысли об этом нахлынула печаль, но Майя постаралась скрыть свои чувства.

Разглядывая жителей аббатства, она быстро подметила, что безродные и ученики отличаются между собой и нарядом, и повадкой. В аббатстве было много юношей и девушек, но одни были одеты пышно и богато, а наряд других составляли бледно-голубые платья, перетянутые в талии, или голубые куртки с поясами. Кое-кто — и ученики, и безродные — с любопытством поглядывал в ее сторону. Побежали шепотки, кто-то показал пальцем. Были здесь и совсем юные лица.

— Сколько в аббатстве учеников? — тихо спросила Майя.

— Около сорока. Большинство начинают учебу лет в двенадцать-тринадцать, но до четвертого-пятого года дотя-

гивают немногие. Если же ученик и через шесть лет обучения не может пройти испытания, его отсылают прочь.

— Но мне почти девятнадцать, — заметила Майя, и на душе у нее заскребли кошки. — Я вообще не готовилась к испытанию.

— Когда Лийя прошла испытание, она была младше тебя и вдобавок не прочла ни единой книги. В нашем Семействе умеют слышать Исток. Ты умеешь читать, знаешь иностранные языки — это уже дает тебе преимущество перед другими учениками. Кое-кто из них не выговорит и двух слов по-дагомейски, а ты свободно говоришь на этом языке. Твоя подготовка лучше, чем у большинства учеников. А твой опыт...

Бабушка умолкла. Проследив за ее взглядом, Майя увидела мужчину и женщину, которые шли к ним от дома альдермастона. И лишь затем, заметив строгие серые рясы, Майя поняла, что это сам альдермастон с женой. Девушка растерялась — не то чтобы она ждала чего-то особенного, но она и подумать не могла, что окажется ростом выше альдермастона. Он был невысок и полноват, седой пушок у него на голове отступал все дальше под натиском лысины. Уши у него были большие и оттопыренные, щеки успели немного обвиснуть. Майя думала, что альдермастон будет бородат, но он оказался чисто выбрит и вовсе не походил на грозного владыку, способного призвать огонь небесный. Жена у него была худая и хрупкая как птичка, с коротко остриженными седыми волосами.

Когда расстояние между гостями и хозяевами сократилось, Майя увидела глаза альдермастона, и глаза эти поразили ее до глубины души. Неяркие, светло-карие, они смотре-

ли удивительно цепко и испытующе. Когда альдермастон перевел взгляд с Сабины на Майю, девушке почудилось, что он заглянул ей в душу и теперь знает все самые темные ее тайны, ее тайный позор. Глаза его были наполнены мудростью. В них читалось сострадание. Они были глубже самых глубоких морей. Альдермастон встал перед Майей, и она почувствовала себя нагой и беззащитной.

Теплая рука хозяина аббатства коснулась ее пальцев. Альдермастон взял ее ладони в свои и привлек к себе.

— Добро пожаловать, — весело и искренне произнес он. — Добро пожаловать в Муирвуд. Мы очень рады твоему прибытию. Ты — дочь мастонов и теперь сама будешь мастоном. Аббатство приветствует тебя, Марсиана.

— Спасибо, альдермастон, — сказала Майя, и голос ее дрогнул, ибо ласковые слова глубоко тронули ее сердце. Альдермастон смотрел на нее, как отец мог бы смотреть на дочь, и сила Истока исходила от него, словно пар от стоящего на огне чайника.

Альдермастон отпустил ее руки, и его жена приняла Майю в свои объятия. Майя ощутила ее тонкие ключицы сквозь ткань рясы, а обоняния ее коснулся запах пурпурной мяты. Женщина отстранилась, но взгляд, которым она смотрела на Майю, был полон тепла.

— Здравствуй, Майя, — прошептала жена альдермастона и погладила девушку по щеке.

— Идемте же в дом, — сказал альдермастон и жестом позвал Джона Тейта. — Нам о многом нужно поговорить. Вы — Джон Тейт, наш новый охотник? Добро пожаловать, сударь. Пойдемте с нами.

Майя не знала названия тем чувствам, что бурей подня-

лись у нее в душе, но ей казалось, что она вот-вот заплачет. Нечто странное было разлито в воздухе, нечто тяжелое и трепещущее, и тяжесть эта почти до боли сдавливала сердце.

Под шепотками и любопытными взглядами учеников и работников они приблизились к дому альдермастона и вошли в двери.

В кабинете альдермастона дожидался высокий человек с густой седеющей шевелюрой. Одет человек был в простую, но строгую рясу служителя. Едва завидев альдермастона, человек почтительно приветствовал его.

— Я привел ее, альдермастон, — с поклоном произнес человек. Рядом с невысоким хозяином аббатства он казался еще выше. — Она ждет в приемной.

— Спасибо, — поблагодарил альдермастон и указал на человека. — Это Томас, мой сенешаль и многолетний помощник. Он верный советник, а еще — давний учитель гравирования. Томас, — на сей раз альдермастон указал на Майю, — это наша новая гостья.

— Добро пожаловать, леди Марсиана, — улыбнулся Томас, на впалых его щеках вдруг показались ямочки. Сенешаль задумчиво пощипал пышные седеющие усы, не уступавшие густотой шевелюре. — Вам еще кто-нибудь потребуется, альдермастон? Прислать целителя?

Но альдермастон лишь слегка качнул головой и чуть приподнял ладонь.

— Нет, Томас, спасибо. Посторонние нам не нужны.

Томас закрыл дверь, отрезав комнату от остального мира. Хозяин аббатства серьезно и печально посмотрел на Майю.

— Марсиана, у меня для тебя горькая весть.

Майя слотнула. Боль обожгла ее изнутри.

— Мама умерла, — тихо сказала она пересохшими губами.

Альдермастон тяжело кивнул. Сабина обняла Майю за плечи.

Сердце Майи рвалось от боли. Она обо всем знала, она видела сон, и все же слова альдермастона ударили как клинок под ребра. Майя содрогнулась, но постаралась взять себя в руки.

— Это случилось три дня назад, — сказал альдермастон, шагнул к ней и взял ее за руку. — Я пытался поднести ей Дар исцеления. Я испросил воли Истока на то, чтобы поднести ей Дар жизни, однако этому не суждено было случиться. Исток забрал ее к себе.

Он печально покачал головой.

— Горе, печаль и беды — неизменные спутники человека, Марсиана, но жизнь наша соткана не только из них. Я не стремлюсь приуменьшить твою боль, вовсе нет. Словами горе не излечишь. Беды могут преследовать человека долго, очень долго — твоя жизнь и жизнь твоей матери тому подтверждение. Но запомни, Марсиана: не дай бедам поглощать тебя с головой.

Его взгляд был взглядом человека, который не понаслышке знал, что такое страдание.

— Я так хотела увидеть ее, хотя бы один последний раз, — прерывистым голосом произнесла Майя.

— Ты еще увидишься с ней, — уверенно сказал альдермастон, сжимая ее руку. — Со смертью приходит печаль. Так было и так будет. Но здесь, в аббатстве, ты должна будешь совершить одну важную вещь. Ты снова откроешь Сокровенную завесу. Мертвые плачут вокруг, ибо они обречены

вечно скитаться по нашему миру. Ты откроешь ворота их темницы. Твоя мать знала это. Эта судьба предсказана тебе давным-давно. И когда-нибудь ты снова увидишься с матерью, ибо связь между вами нерушима.

Не в силах вынести его испытующий взгляд, Майя отвела глаза. Негромкие слова этого человека были наполнены такой силой и убежденностью, что казались тверже камня и сильнее бури.

— Благодарю вас, альдермастон, — с трудом выговорила Майя.

Он подвел девушку к стулу и помог ей сесть. Об руку с женой альдермастон отошел к столу, заваленному свитками, перьями, чернильницами, гравировальными принадлежностями и прочими инструментами и материалами, между которых затесался небольшой старинный том. Усадив жену, он сел сам. Сабина устроилась на стуле подле Майи, а Джон Тейт взгромоздился на широкий подоконник, где было устроено сиденье.

— Томас, — сказал альдермастон, — не мог бы ты рассказать Великой Провидице о том, что за вести пришли из Комороса?

— Да, альдермастон, — Томас не сел со всеми и остался стоять, смиренно сложив руки. Он вздохнул.

— Канцлер Мортон... Я даже не знаю, как об этом сказать, чтобы не ранить ваши чувства... Канцлер отказался подписать закон о верноподданничестве и был обезглавлен у стен башни Пент. Это произошло утром при большом скоплении народа, в присутствии по меньшей мере пяти сотен свидетелей, в том числе узников башни. Таковы, насколько я понимаю, факты.

Он фыркнул и стиснул зубы, видимо, сдерживая гнев.

Майя уставилась на сенешаля. Новость не была для нее новостью — о случившемся она уже знала от Кольера, своего мужа. И двух недель не прошло с тех пор. При мысли о муже Майе стало не по себе. Она бежала из Несса, а муж остался там, в плену, и причиной тому было ее предательство.

Джон Тейт фыркнул:

— Это что ж они, за бумажку ему голову отрубили?

Томас кивнул и качнулся на пятках вперед-назад.

— Закон о верноподданничестве объявляет королевскую власть превыше воли Истока. Земли аббатств облагаются налогом в пользу казны. Альдермастонов отныне назначает не Великая Провидица, а король. Скажем прямо, он обезумел и жаждет крови!

— Томас, — с мягкой укоризной произнес альдермастон.

— Мне не следовало так говорить, — немедленно признал Томас, покраснев. — Я забылся, а ведь здесь присутствует королевская дочь. Молю о прощении, леди Майя, однако в настоящее время я не питаю добрых чувств к вашему отцу.

Сабина наклонилась вперед:

— Когда он узнает, что я в Муирвуде, то очень удивится.

— По всей видимости, да, — согласился Томас, вновь качнувшись на пятках.

Сидевший под окном Джон Тейт почесал Аргуса за ухом.

— Лучше бы королю сюда не соваться, — сердито проворчал охотник. — Я ведь и осерчать могу. Ишь, повадился рубить головы среди бела дня!

Альдермастон сложил руки на груди и чуть наклонился вперед.

— Каково бы ни было наше положение, мы не можем позволить себе позабыть о Клятве Муирвуда. После того, как королева скончалась — полагаю, что от яда, — мы послали вестника во дворец. В самом скором времени я ожидаю распоряжений относительно организации похорон. Не исключено, что король пожелает почтить Муирвуд своим присутствием, — альдермастон понизил голос. — Это было бы в высшей степени нежелательно. Король может понять, что аббатство почти отстроено и что работы не были прекращены по его приказу. Что нам делать, Великая Провидица? Нам нужен ваш совет.

При мысли о том, чтобы снова увидеть отца, и особенно вскоре после смерти матери, у Майи исказилось лицо и сжались кулаки.

Сабина устремила на альдермастона твердый взгляд.

— У Майи будет совсем мало времени на подготовку к мастонским испытаниям, — произнесла она.

— Верно, — согласился альдермастон, и на душе у Майи стало еще тревожнее.

— Кого вы выбрали ей в товарки?

Альдермастон повернулся к жене и жестом передал слово ей.

— Среди тайнознатиц немало способных девочек, Провидица, — произнесла женщина. — Есть среди них и высокородные, и безродные. Я испросила волю Истока, и Исток избрал в товарки Майе девицу Сюзенну Кларенсье.

— Расскажите мне о ней, — задумчиво попросила Сабина.

— Она учится последний год, и ее испытание состоится на ближайший Духов день. Сюзенна принадлежит к уважаемому Семейству, старшая из троих детей. Она помогает другим в учебе и не кичится своей родовитостью. Среди учениц она пользуется уважением и имеет на них некоторое влияние. На ее благоразумие можно положиться. Кроме того, она тайнознатица, а потому умеет хранить секреты.

— Приведите ее, — распорядилась Сабина.

Томас улыбнулся, вновь показав ямочки на щеках, и вышел в приемную.

— Вижу, вы приготовили книгу, — сказала Сабина альдермастону, когда за сенешалем закрылась дверь.

— Все как вы сказали, — спокойно ответил альдермастон, указав на лежащую перед ним книгу.

— Эта книга предназначена для тебя, Майя, — пояснила Сабина и сжала руку внучки. — Я попросила альдермастона выгравировать лишь одну страницу. Последнюю.

Открылась дверь, и сенешаль пропустил внутрь девушку, возрастом и ростом схожую с Майей, удивительную красавицу в одеждах из шелка и парчи, стоивших, должно быть, не меньше тысячи марок. Шею девушки плотно обхватывало драгоценное ожерелье, по плечу сбегала длинная золотая коса. Майя ощутила укол зависти — сама-то она была одета куда как проще, и наряд ее не выдавал истинного положения своей владелицы в свете. Но смотрела девушка тревожно, и при виде собравшихся тревога ее лишь возросла.

Сабина встала и приветствовала вошедшую.

— Добро пожаловать, Сюзенна. Не стесняйся.

Глаза девушки расширились.

— Великая Провидица! — ахнула она и склонилась в глубоком реверансе.

— Ты ей не говорила, Джоанна? — спросила Сабина, обращаясь к жене альдермастона.

— Нет.

Сабина кивнула и взяла ладонь девушки в свою.

— Я вижу, что тебе не по себе. Ну же, не бойся. Тебя никто не собирается наказывать. Ты призвана сюда за свои достоинства, а не за грехи.

Услышав похвалу, девушка покраснела.

— Благодарю вас.

— Сюзенна, ты пришла сюда потому, что такова была воля Истока. Я обратилась к альдермастону с просьбой подобрать ученицу выдающихся достоинств и преданности делу, дабы эта ученица могла помочь нам в наших трудах. Исток говорит мне, что выбор был сделан верно. Я хочу поручить тебе дело, требующее абсолютной секретности и самоотверженности. Прежде чем продолжать, я хочу знать, готова ли ты взять на себя эту ношу.

Девушка была растеряна, но глаза ее сияли от сдерживаемых чувств, и с ответом она не медлила:

— Да, Великая Провидица, конечно! Я готова сделать все, чего потребует воля Истока.

Сабина кивнула, разжала руки, подошла к Майе и жестом велела ей встать.

— Это моя внучка, леди Марсиана... Майя.

Сюзенна ошеломленно посмотрела на Майю, и глаза ее снова округлились.

— Дочь короля? — ахнула она.

— Да, — ответила Сабина, похлопав Майю по руке. —

Она будет учиться в Муирвуде. Она пройдет мастонские испытания, но прежде станет тайнознатницей. Я хочу, чтобы ты помогла ей в ученье, Сюзенна. От этого зависит судьба всего аббатства.

— О, конечно, — нерешительно промолвила Сюзенна. — Да-да, Великая Провидица, как пожелаете.

— Я хочу, чтобы ты знала еще одну вещь, Сюзенна, но знание это ты должна будешь хранить превыше всех прочих тайн. Этого не будет знать ни одна живая душа, кроме присутствующих здесь. Не бойся. Майя... покажи ей отметки у тебя на груди.

Побледнев от смущения, чувствуя, как сосет в животе, Майя послушно распустила ворот голубого платья и обнажила ключицы, покрытые извивающимися туманными завитками — татуировками, которые начали проступать, когда она впервые надела кистрель, ныне покоящийся на груди ее мужа.

Сюзенна испуганно округлила глаза.

— Об этом — молчи, — сказала Сабина и жестом велела Майе прикрыться. — Это записано в книге, что лежит на столе у альдермастона.

Сила Истока хлынула в комнату. Майя ощутила ее прилив. Маленький яр-камень на столе занялся жарким багровым светом. Альдермастон достал откуда-то щипцы и положил на яр-камень, словно желая их разогреть.

Затем альдермастон поглядел на дрожащую девушку.

— Береги эту тайну, Сюзенна. Такова воля Истока. Майю предали дохту-мондарцы и обманом сделали из нее хэтару. Что это значит, ты вскоре поймешь — поймешь, когда пройдешь мастонские испытания. Знай же, что это свершилось

не по воле Майи. Пусть она будет носить свои отметины до конца жизни, но зла в ней нет. Знай, что я доверяю ей всецело, так же, как доверяю Великой Провидице... как Истоку. Вот почему Исток привел Майю сюда. У нее нет иного пристанища и убежища, кроме нашего аббатства. Береги ее тайну, Сюзенна. Готова ли ты к этому?

Сюзенна шмыгнула носом и смахнула слезы с глаз.

— Да, альдермастон.

При этих словах альдермастон кивнул и поднял щипцы, нагретые багровым яр-камнем. Его жена взяла полосу орехалка, провела ее под последней страницей и вывела концы поверх предпоследней, пустой, соединив страницы вместе. Альдермастон щипцами сжал концы блестящей полосы и сплавил металл, запечатывая страницы. Затем он убрал щипцы и толкнул книгу через стол.

Сабина взяла со стола стержень для гравирования и вывела на горячем золоте какой-то знак. В комнате загудела сила, и Майя почувствовала себя удивительно и прекрасно.

— Это — сигил тайны, — негромко произнесла Сабина, откладывая гравировальный стержень. — Отныне сказать вслух о тайне Майи не сможет никто, — она подняла глаза на Майю. — Даже наши враги.

Но в глазах ее читались иные слова: «Даже твой муж».

Все мы по временам бываем в трудном положении, однако не должно носить горести в сердце своем. Все мы горюем, страдаем, стонем. Испытания — опыт, который укрепляет нас, как ветер укрепляет корни яблонь в Саду сидра. Но бури приходят и уходят, наше же дело — не дать им отвлечь нас от того прекрасного, что уже прошло или еще настанет. Всем сердцем предавшись размышлениям о перенесенной несправедливости, мы можем не заметить тех, кто страдает рядом. Когда больно тело, исцеление требует времени; то же самое верно и для страдающего сердца.

Ричард Сейон, альдермастон аббатства Муирвуд